

Из наградного листа:

«...Тов. Фаизов, как верный сын Родины, презирая смерть, выполнил боевое задание командиров дивизии и корпуса по обеспечению прорыва Турецкого вала ¹ и выходу на северную окраину г. Армянска, дающее право на основании телеграммы № 3057/ш на получение звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Представляю гвардии лейтенанта ФАИЗОВА Я.К. к награде – присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Командир полка

Гвардии подполковник (*Головащенко*)

Начальник штаба

Гвардии майор (*Примин*)

«...ХОДАТАЙСТВУЮ О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Командир 10-й Гвардейской Краснознамённой
Кубанской казачьей кавалерийской дивизии
Гвардии генерал-майор (*Миллеров*)

7 ноября 1943 года.

¹ **Турецкий вал** – фортификационное сооружение, представляющее собой ров с валом на Перекопе, отделяющее Крымский полуостров от материка и укреплённое фортами и крепостью Ор-Капу́ (*по крымско-татарски: Вал с воротами*). Построено в конце XV – начале XVI веков во времена Османской империи и Крымского ханства, позднее реконструировалось и укреплялось. В XVII-XVIII веках здесь произошли крупные сражения русско-турецких войн, в ходе которых вал и крепость были несколько раз взяты русскими войсками. В ходе Гражданской войны Турецкий вал пережил штурм в 1920 году, а в Великую Отечественную войну – в 1941 и 1944 годах.

* * *

Лист наградной, вселяя в душу грусть,
лёг предо мной приказом по войскам,
чтоб заучил его я наизусть,
словно ответ всем злым клеветникам.

А из-за туч, что скрыли небосклон,
льют на Отчизну мне то ложь, то грязь
враги со злобой с четырёх сторон,
греха не зная, Бога не стыдясь...

* * *

Как-то раз в просторах Интернета
разбирая справки про войну,
я глазами, как лучами света,
вдруг нашёл фамилию одну.

Так тепло к ней прислонилось имя,
став с другими строчками в строю
среди имён, что сделавшись родными,
пробудили память вдруг мою.

Всё сходилось! Всё — точь-в-точь сходилось:
год рожденья, адрес, даты в ряд...
То ль судьба, то ль Бог нам эту милость
вдруг послал — ведь это мамин брат!

Я узнал его — Яхья Фаизов¹!
Сколько раз он приезжал к нам в дом,
мы вели с ним разговор о жизни...
Что ж его я не спросил о том —

кем он был в войну, через какие
проходил горячие бои,
как он выжил в те года лихие
вдалеке от дома, от семьи?

Выжив в страшных беспощадных смерчах
и большую должность обретая,
лишь про нас он говорил при встречах,
о себе вопросы отводя.

У него в квартире было много
лошадиных маленьких фигур —
тонкошеих, быстрых, длинноногих,
с чёткою резьбой мускулатур.

Дядя видел в жизни много бедствий,
но с улыбкой часто вспоминал,
как в Свяге² он в далёком детстве
в жаркий полдень лошадей купал.

Помню, как он к нашей шёл калитке
в дни, когда к нам в отпуск приезжал.
А не мог приехать — то открытки
и подарки из Москвы всем слал.

Я не трогал его жизни тему,
знал лишь то, что он душою чист,
потому сейчас я, как поэму,
наградной его читаю лист...

* * *

Шёл сорок третий год, и в эту осень
пришёл приказ Верховного в окоп —
фашистов срочно надо в море сбросить,
освободить от немцев Перекоп!

Но как в болотах, здесь за ротой рота
увязли на пути, ведущем в Крым —
там, где ещё с эпохи Геродота,
был создан вал высоким и крутым.

Здсь лёг и скиф, и римлянин, и русский,
татарин тоже испустил здесь вздох,
когда за этот перешеек узкий
они друг с другом бились, кто как мог.

По лесу когда волки жертву ищут,
чтоб разорвать ей горло поскорей,
то убежать, чтобы не стать им пищей,
дано не всем живущим из зверей.

Так Перекоп был узким горлом Крыма
для тех, кого манил наживы жар.
Сквозь тучи дыма здесь катились мимо
войска фашистов, римлян и татар.

Турецкий вал зияет и поныне
рубцом кровавым посреди песков,
как след войны, прошедшей по равнине
на протяжении двадцати веков.

¹ Яхья Камалетдинович Фаизов — гвардии лейтенант, кавалер Ордена Красного Знамени.

² Свяга — река в Европейской части России, в Республике Татарстан и Ульяновской области; правый приток реки Волги.

И вот мой дядя — в списке самых храбрых,
что сохранил навек лист наградной.
Но словно в старом фильме кинокадры
приказа строки скачут предо мной...

* * *

На фронте дядя был кавалерист,
он на коне летел от боя к бою.
Он видел взрывы, слышал пули свист,
был ранен, но помилован судьбою.

Он видел бомбы, что с небес летят,
стремясь к нему... Но защищён богами,
двадцатилетний выжил лейтенант,
чтобы и дальше воевать с врагами.

И он пришёл однажды в Ор-Капу,
на Перекоп, где ветры с моря дышат.
И произнёс:
— Победную трубу
над этим валом нам дано услышать!

Тут «Студебеккер»¹ прочно в луже сел,
и танк едва ползёт по глыбам мшистым.
Но над Турецким валом вдруг взлетел
победный дух наперекор фашистам!

И не пришлось бойцам коней седлать,
Взвод посмотрел под сизой мутью дыма,
как ему ночью можно разметать
фашистский пепел по просторам Крыма!

Когда же звёзды скрылись в темноте,
взвод, погрузив на спины пулемёты,
пополз во тьме к молчавшей высоте
по ледяным простуженным болотам.

Над Перекопом ночь была темна,
ноябрьский холод мрачен и бездушен.
Но под бойцами ветка ни одна
не смела треском тишину нарушить.

Приказ для них короткий был — терпеть,
чтоб и чихнуть никто не смел во мраке
или зубами громко заскрипеть,
разбив колено о торчащий камень.

Ну, а табун, оставленный вдали,
во мраке ржал, словно крича им что-то.
Когда ж бойцы к окопам подползли —
тогда вступили в бой их пулемёты.

То лейтенант, мой дядя молодой
велел открыть огонь из всех «максимов»,
гоня врагов свинцовою волной
прочь беспощадно и неотразимо.

Не ожидали немцы той пурги,
они от смерти близкой задрожали,
и кто-то крикнул в их рядах: «Беги!» —
и немцы в страхе с вала побежали.

Оставив пару пушек на валу
и сто своих погибших сослуживцев,
фашисты скопом ринулись во мглу,
чтоб оказаться посреди счастливых.

И всё ж никто сдаваться не хотел!
Мешая грязь и кровь под сапогами,
три дня, три ночи на валу кипел
бой между нашим взводом — и врагами.

Здесь через Крым везли для танков нефть,
а без неё им никуда не деться.
И в час, когда закат пошёл темнеть,
нам приказали обескровить немцев.

Приказ же немцам был — любой ценой
отнять у русских важную дорогу.
Хоть трупы пусть лежат вокруг стеной!
Хоть стон стоит до туч или до Бога!

И целый батальон направил враг
на взвод, не сдавший им ни метра тверди,
не отступивший в битве ни на шаг,
чтоб эскадрон свой не подставить смерти.

Когда ж огня стихал смертельный шквал
и свисты пуль немного затихали,
тогда бойцы свой укрепляли вал
и все друг другу раны бинтовали.

И длился бой. Ревел гвардейский взвод.
Вот два бойца осталось лишь от взвода.
Когда ж умолк последний пулемёт —
тогда мой дядя лёг у пулемёта.

¹ Грузовой автомобиль американского производства.

Так, не смолкая, он стрелял, стрелял —
один за целый взвод и даже роту!
Когда ж запас патронов иссякал —
он быстро полз к другому пулемёту.

И вновь стрелял, забыв про всех богов,
не ощущая ран в усталом теле,
к себе надолго приковав врагов,
что Ор-Капу́ вернуть назад хотели.

Но вдруг последним стал в стволе патрон
и смолкли пуль неистовые свисты,
и в это время с четырёх сторон
к нему свирепо ринулись фашисты...

Я бросил ручку и глаза закрыл,
не дописав строку в своей тетради,
и мир вокруг — на время отстранил,
и оказался сам на месте дяди...

* * *

И вот в окопе с дядей я стою.
Враг впереди. В душе — всё онемело...
Как защитить мне Родину мою?
Мне кажется, я знаю, что мне делать.

Смерть для меня — не больше, чем урок,
я сам готов стрелять, когда придётся.
(Хотя, какой я в сущности стрелок?
В тир захожу — и то народ смеётся!)

Вся грудь открыта пулям напоказ,
как будто в ней нет от рожденья сердца!
Куда пропал по армии приказ?
Куда вдруг делись обороны средства?

Мы с гордостью твердим, что нас не жжёт
огонь боёв, когда нас помнят жёны.
Но не забудьте — Бог ведь бережёт
не всех подряд, а только бережёных!

Возьми включи любой телеканал —
и тут же в дом ручьи дерьма польются,
куда солдат, герой и генерал
в один момент по шею окунутся.

И ты узнаешь, что в твоей стране
всем правит водка, а не Бог с Аллахом,

и потому в быту и на войне
вместо победы катится всё прахом.

И всем, кто знал науку побеждать
и был в войну радистом иль сапёром,
сегодня стало вдруг важнее знать,
кто спит с каким певцом или актёром.

И многократней Золотой Звезды
для всех здесь стала поп-звезда любая,
а ты — чужим вдруг стал среди страны
той, что вчера тебе была — *родная*.

Теперь в коттеджах здесь живут одни
политики, элита, бизнесмены,
а ветераны — коротают дни
в «хрущёвках», тихо дожидаясь смерти...

* * *

Боязнь и трусость — не одно и то ж,
хоть друг за другом они ходят тенью.
Кто, видя смерть, не ощущает дрожь —
тот быстро станет для неё мишенью.

Но сжаться в страхе, в бой идя, не смей
и не дрожи, доверяясь злобным слухам,
ведь можешь сам ты уничтожить смерть,
её сразив своим победным духом!

Сознательно бояться — это труд,
которому мы все должны учиться.
Кто не боится страха — те умрут,
а чтобы выжить, надо изловчиться.

Те страны, что научат свой народ
смерть побеждать, становятся сильнее.
Оружие у нас из года в год —
становится мощней... (А дух — слабее.)

Враги снижают наш высокий дух,
смущая души наши понемногу.
Им сладко видеть нас среди прорух,
и потому — вредят, где только могут...

* * *

И вот в окопе с дядей я стою.
Кругом — враги, глаза — словно колючки...
Ну что же делать мне в таком бою?..
Я вновь тянусь рукой к лежащей ручке.

А дядя вспомнил про один манёвр
и повалился, как сражённый пулей.
Враги решили — этот русский мёртв,
не догадались, что их всех надули.

Но он внезапно — дерзок и упруг —
метнул гранаты в немцев при сближенье,
и тех — двенадцать полегло вокруг...
Вот так прорвал мой дядя окруженье.

То ль позабыв, что рядом ходит смерть,
а то ль его вдруг потянуло в драку —
он взвился, словно разозлённый зверь,
и сам рванулся на врагов в атаку!

И тут ему на помощь устремясь,
как вихрь, примчались парни эскадрона,
и в блеске сабель ворвались в Армянск¹,
ломаю сходу немцев оборону.

Но город взять не вышло на ходу,
который долго был окутан дымом...
Вот так бойцы — в пылающем Аду
дрались за Рай, что назывался Крымом.

* * *

Кто презирал при жизни свою смерть,
тот взглядом с нею встретится однажды,
и память о себе не даст стереть,
известным став среди своих сограждан.

Когда-нибудь о всех, кто был убит,
расскажут правду юным всем и старым
и гибельный Рейхстаг, и Маобит,
и вал Турецкий вместе с Бабьим-Яром².

Лист наградной дрожит в мих руках,
подаренный мне щедро Интернетом.
Как мину, уцелевшую в боях,
держу я перед всем застывшим светом.

Я отпустить боюсь его из рук —
ведь в нём моя хранится сила духа.
Читаю вновь и думаю: а вдруг
взорвутся строчки, решетья друг друга?

Ну почему же Золотой Звезды
ему тогда не дали перед строем?
Ведь комполка, оформив все листы,
уверен был, что станет он Героем.

Но в штабе, видно, Звёзд запас иссяк,
и получить мог только орден воин.
Конечно, орден тоже не пустяк,
но почему ж Героя не достоин?

Спрошу того, кто правду всем сулит:
«Из-за чего — Звезду ему не дали?»
А мне в ответ: «Исчерпан, мол, лимит...
Лишь ордена остались и медали...»

А тут сказал со всюю прямоюй
солдат, пройдя войны четыре года:
«Геройство — не является чертой
какого-то отдельного народа!»

«Но знайте — не вручается наград
тому, кто находился в отступленье, —
добавил вслед ещё один солдат, —
поскольку отступленье — преступленье».

Но дядин взвод вовек не отступал
и, видя смерть не раз бегущей мимо,
он догонял её, атаковал
и открывал Победе двери Крыма.

Народ в лице дивизии признал
геройством то сраженье из сражений.
Освобождённый им Турецкий вал —
в сто раз важнее всех штабных решений!

¹ **Армянск** — город на севере Крыма. Расположен на Перекопском перешейке, соединяющем Крымский полуостров с континентом.

² **Бабий Яр** — урочище в северо-западной части города Киева. Получил всемирную известность как место массовых казней гражданского населения, главным образом евреев, цыган, а также советских военнопленных, осуществлённых немецкими оккупационными войсками во время Второй Мировой войны. Всего здесь было расстреляно свыше ста пятидесяти тысяч человек.

Солдаты, как сквозь чёрный страшный лес,
шли сквозь войны грохочущее пламя.
И все в тех битвах — с орденами, без —
сражались за одно Победы Знамя!

Звезда Героя — золотая та —
прошла мимо него без укоризны.
Обиды нет, поскольку та Звезда —
легла на грудь его родной Отчизны!

И светится донине та Звезда,
и людям видно, как на целом свете —
зажглась Победа наша навсегда,
а мы — Звезды сияющей той дети!

Лист наградной, свидетель о войне,
никем не обнародован, не издан,
но дух Победы будет жив во мне,
пока я буду Родиною призван!

Перевод Николая ПЕРЕЯСЛОВА

Орден вручён 30.11.1943.